

УДК 93/947

*О.Р. Хасянов**

МЕТОДЫ УСТНОЙ ИСТОРИИ В ИЗУЧЕНИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА**

В статье анализируется возможность использования метода устной истории в исследовании повседневной жизни советского крестьянства. После анализа исследований, выполненных на основе данного метода, делается вывод, что устная история является важным методом в реконструкции повседневной жизни крестьянства.

Ключевые слова: крестьянство, коллективная память, устная история, реконструкция, метод, биография.

В современном мире технологических свершений, когда технический прогресс стремительно изменяет окружающую действительность и повседневную жизнь человека, вопрос о сохранении источников, позволяющих раскрыть жизненный мир и повседневные практики индивида, приобретает особую значимость и актуальность. Историк в своем познавательном процессе реконструирует прошлое на основе комплекса исторических источников. Традиционные источники не всегда могут в полной мере помочь в восстановлении картины прошлого, особенно в восприятии обществом происходящих социальных трансформаций, изменений ментальных установок и ценностных ориентиров индивида. Кроме того, не все источники сохранились и доступны для исследователя. К тому же они не всегда могут отражать объективную картину происходящих процессов.

Для любого господствующего политического режима характерно стремление навязать обществу свою правду, свое видение исторических явлений и процессов. Социум всегда выступает носителем двух разновидностей исторического знания: истории официальной, отретушированной государством через призму господствующей идеологии, и истории неофициальной, народной, существующей в виде коллективной памяти народа и выражающей отношение общества, социальных слоев и личности к происходящим изменениям, протекающим процессам и т. д. Второй вариант исторического знания мы можем обозначить как «устная история».

Устная история – это история отдельных судеб, процессов, рассказанная конкретным человеком, свидетелем эпохи. Также это история дописанных и бесписьменных народов, которые в устной форме передавали социальный опыт, знания, традиции и тем самым обеспечивали социальное единство и преемственность поколений. Не случайно известный отечественный исследователь культуры Ю.М. Лотман отмечает, «культура есть нечто общее для какого-либо коллектива – группы людей, живу-

* © Хасянов О.Р., 2014

Хасянов Олег Ренатович (oleg-has@yandex.ru), кафедра российской истории Самарского государственного университета, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1; кафедра философии, социологии и экономической теории Ульяновской государственной сельскохозяйственной академии им. П.А. Столыпина, 432017, Российская Федерация, г. Ульяновск, бульвар Новый Венец, 1.

** *Исследование осуществлено при поддержке РГНФ. Грант № 13-11-73002 «Повседневная жизнь советского крестьянства в послевоенное время (1945–1953) (на материалах Куйбышевской и Ульяновской областей)».*

ших одновременно и связанных определенной социальной организацией. Из этого вытекает, что культура есть форма общения между людьми, и возможна лишь в такой группе, где люди общаются» [1, с. 8]. История выступает элементом культурной системы, обеспечивающей процесс трансляции знания.

Д. Вебер понимает устную историю как систему «специально разработанных и постоянно развивающихся и создаваемых методов, с помощью которых исследователь в области социологических и гуманитарных наук получает новые сведения, а именно на основании устного сообщения лиц, бывших участниками или свидетелями данного события, процесса или эпохи, которые изучает исследователь, или лиц, чьи индивидуальные воспоминания, мнения и взгляды могут обогатить знания исследователя как о них, так и о рассматриваемой проблеме вообще» [2].

Особое распространение устная история получает во второй половине XX века. Это было связано с совершенствованием технологической базы исследований и осознанием историками того, что письменные источники не всегда могут быть достоверными и объективными. Совершенствуя методы анализа документов с целью удостовериться в подлинности изложенной в них информации, историки обращаются к свидетелям эпохи и исторических процессов, участникам тех или иных событий. Впервые используя магнитофоны, стал записывать воспоминания профессор Колумбийского университета Алан Невинс в 1948 г. [3, с. 4]. И с этого времени начинается второе рождение устной истории. Данный метод получает большую популярность среди исследователей.

В отечественной исторической науке обращение к устной истории происходит в конце 80-х – 90-х гг. XX века. Распространению данного метода в отечественной исторической науке способствовало освобождение исторической мысли от диктата марксистско-ленинской идеологии и контроля партии над общественной мыслью. Интеграция отечественной науки в мировое пространство приводит к заимствованию ею передового западного опыта: методов, концепций и теорий.

Историческая наука в последние десятилетия XX века оказалась в кризисе методологических изысканий. Эта проблема актуальна не только для исторического познания, но и для всего социально-гуманитарного знания. Происходит разочарование в глобальных историко-теоретических построениях, неспособных достаточно четко и объективно удовлетворить заказы и запросы времени. Культурная картина постмодерна проявляется в распаде единого цельного образа на фрагменты, характеризуется отсутствием единого представления об историческом прогрессе и его последствиях. Как отмечает Е.Н. Стрекалова, «с критикой прежде накопленного знания появляются попытки новой интерпретации исторической реальности, в частности, с позиции местной, локальной истории» [4].

Культурологический поворот, осуществленный социально-гуманитарным знанием в последнее десятилетие XX столетия, приводит к институционализации новых предметных областей: социологии культуры, новой локальной истории, истории ментальностей и повседневности, исторической антропологии, микроистории. Данный сдвиг выводит на арену исторического познания маленького человека, который до этого момента находился на периферии исследовательского интереса. Проблемы и явления, ранее не привлекавшие внимания исторического познания, становятся значимыми и актуальными. Фокус исследования от глобальных процессов смещается на изучение субъективного восприятия протекающих социальных процессов и трансформаций обывателем, типичным представителем социума. Сужаются территориальные рамки исследований, что позволяет выявить специфику исторического развития конкретно-региона.

Переход к новой локальной истории, базирующейся на устной истории, по мнению Пола Томпсона, дает возможность построить историческое знание по принципу «истории снизу вверх», т. е. молчаливое большинство обретает голос, и события в их интерпретации становятся значимыми для исследователя. Важным становится то, как преломляется оценка событий отдельными людьми, особенно в экстремальных условиях [5, с. 13].

Длительное время в отечественной исторической науке крестьянская жизнь, быт данной социальной группы не привлекали должного интереса исследователей. Крестьянство составляло молчаливое большинство, к истории которого обращались лишь в интерпретации явлений социального протеста и экономического развития. В советское время крестьянство рассматривалось в рамках классовой парадигмы как сторонник пролетариата, а самая передовая часть данной социальной группы непременно выступала реакционером и носителем буржуазных элементов в сельском социуме.

Между тем российское общество длительное время оставалось крестьянским, большинство населения вплоть до середины XX века было занято в сельскохозяйственном производстве. Вследствие этого российская культура несет в себе элементы крестьянской ментальности. Ее отличительными чертами являются прагматизм, смекалка, трудолюбие, духовность, сострадание, умение приспособиться к любым условиям внешней среды, инициативность. Все это способствовало сохранению духовной связи между поколениями в период масштабных потрясений российской истории.

В отечественной исторической науке поворот к духовному миру крестьянства, к его повседневным заботам и переживаниям был предпринят в середине 80-х гг. XX века П.С. Кабытовым, В.А. Козловым, Б.Г. Литваком [6]. В своем исследовании они подчеркивают, что «не только выдающиеся личности, но и «простые люди», «массовый человек» могут и должны быть предметом специального исторического исследования» [6, с. 3].

XX век в истории российского государства оказался временем масштабных социально-экономических и политических трансформаций: череда революций, мировых войн, смена политических курсов и векторов социально-экономического развития. Данные трансформации остро поставили вопрос о национальной идентичности: «Кто мы?», «Для чего мы?», «Что наше прошлое?» и «В чем наше будущее?». Ответить на эти вопросы непросто, а однозначно – невозможно.

Прошлое России – это прошлое крестьянское, которое мы потеряли. Крестьянская история – история устная, транслирующая опыт и знания вербальными средствами, сохраняющая преемственность поколений. Устная история способна конструировать идентичность нации и индивида. Респондент, проговаривая свою жизнь, свой жизненный опыт, заново переживает события и вновь создает свою реальность [7, с. 14].

Господство коммунистического режима для российского социума не прошло бесследно: в ходе советской модернизации крестьянство как носитель определенных ценностей, социальных связей и норм было потеряно. Процесс раскрестьянивания является закономерным следствием экономической модернизации и характерен для всех стран с развитой экономикой. Но в Советской России данный процесс был неестественным: государство насильственными методами погубило крестьянство как особый слой советского общества.

Массовыми источниками по истории советского крестьянства являются советские периодические издания. В них мы можем увидеть торжество социалистической модели развития в «отсталой деревне»: увеличение числа грамотного населения, развитие системы здравоохранения, расширение сети культурных учреждений, внедрение рациональных методов ведения народного хозяйства, сведения о передовиках и стахановцах и т. д. Тем самым в газетах создавался парадный портрет сельского социума,

удовлетворяющий представлениям властей о модернизации сельских территорий, который был далек от истины. Данное явление несоответствия подаваемого материала действительности в советском обществе сталинского периода Ш. Фицпатрик обозначает как «потемкинство» [8].

Исследовательская работа с архивными источниками затруднена вследствие того, что не снят гриф секретности с большинства фондов советского времени, особенно касающихся вопросов репрессивной политики советского государства на селе. В данных обстоятельствах обращение к методологии устной истории позволяет исследователю преодолеть исследовательские трудности и на основе устных рассказов сельских жителей реконструировать достоверную картину прошлого. Не случайно Л.Н. Лопатин, Н.Л. Лопатина отмечают: «Факты, сообщаемые очевидцами грандиозного события, их суждения и размышления являются исключительно ценным историческим источником для изучения всей глубины разрушительных последствий социалистических преобразований в российской деревне» [9, с. 5].

Устная история базируется на коллективной памяти народа, которая проявляется как «совокупность действий, предпринимаемых коллективом или социумом, по символической реконструкции прошлого в настоящем» [10, с. 328]. Носителем коллективной памяти являются живые социальные группы и индивиды. Она может эволюционировать, трансформироваться, а некоторые ее элементы могут подвергаться забвению. Воспоминания, выступающие основой коллективной памяти, не являются данностью, а опосредуются настоящим, выражаются в форме общественной конструкции. По мнению Е.А. Мокроусовой, «история, по сути, воспроизводит не сами исторические факты, а их ментальную коллективную переработку в сознании людей» [11, с. 75]. Каждое общество в своем развитии в определенный момент истории переживает процесс «разрыва» с прошлым. В частности, это характерно для общества модерна, когда главной ценностью становится отказ от прошлого: традиций, ритуалов и стереотипов [12]. В XX веке в сельском социуме наблюдается разрыв традиций и межпоколенной связи. Культурная модернизация, совершенная советской властью, привела к разрыву традиционных связей сельского общества, что нашло выражение в снижении уровня религиозности и авторитета старших, и традиционного опыта, в стремлении вырваться за рамки сельской жизни, покинуть «отсталое село и больше туда не возвращаться». Не случайно В.А. Бердинский подчеркивает: «Мы должны отчетливо осознать — в России 1970–1990-х годов произошел не просто естественный уход поколений, родившихся в 1900–1920-е годы. С этими людьми в прошлое ушла целая тысячелетняя эпоха народной жизни — комплекс традиций и повседневный уклад, создававшийся у нас столетиями» [3, с. 7]. Задача современной исторической науки заключается в попытке сохранения, фиксации жизненного опыта уходящего поколения сельских жителей. Необходимо осознать значимость опыта крестьянской культуры XX века для последующего развития страны и формирования новой гражданской идентичности. Устная история может стать тем методом, который позволяет достичь данной цели.

Говоря об устной истории как о специальном методе исторического исследования, нам необходимо осознавать, что он состоит из целого комплекса методических приемов. По своей сути данный метод во многом схож с методикой качественных исследований в социологии и открывает путь к междисциплинарному исследованию крестьянства. В рамках качественной методологии исследователь «сообщение отдельной личности рассматривает как самобытную познавательную единицу и не пытается его содержание обобщить при помощи количественных (статистических) методов в более крупные комплексы» [13, с. 91]. Но данный метод позволяет выявить типичные ситуации, переломные моменты, оказавшие влияние на развитие общества и индивида.

Достаточно близко к методу устной истории стоят такие социологические методы, как биографический, лейтмотивное интервью, свободное интервью и т. д. На основе биографического метода можно реконструировать жизнь конкретного человека. Исследователь предлагает респонденту рассказать свою биографию, свою жизнь от рождения и до настоящего времени. Исходя из целей исследования, после рассказа интервьюер задает уточняющие вопросы, акцентирует внимание респондента на тех или иных обстоятельствах его жизненной истории. Таким образом, материалом биографического интервью является спонтанно рассказанная жизненная история индивида.

Метод интервью предполагает беседу (формализованное или глубинное интервью) с респондентом о его жизненном опыте в тот или иной период, его действия в заданных обстоятельствах, индивидуальную оценку тех или иных исторических событий и процессов. Наглядно иллюстрирует функциональность данных методов в изучении истории крестьянства работа И. Штейнберга, Т. Шанина, Е. Ковалева, А. Левинсона «Качественные методы. Полевые социологические исследования» [14]. Коллективом исследователей (социологов и историков) была предпринята попытка комплексного исследования российского села в период социальных трансформаций последнего десятилетия XX века. В фокусе предметного исследования ученых оказались не только актуальные проблемы сельского населения 90-х гг., но и репрезентация социальных трансформаций XX века в крестьянском сознании [15].

Использование метода устной истории предполагает хотя бы начальные, базовые знания в области психологии для построения коммуникационных связей с респондентом. А также для возможности интерпретирования полученных результатов. Интервьюер не может быть черствым сторонним слушателем, он должен сопереживать, поддерживать рассказчика и никоим образом не выказывать несогласие и негодование услышанным.

Необходимо отметить, что информация, полученная методом устной истории, несет на себе отпечаток субъективности, и за это данный метод подвергается критике. Но эта субъективность есть жизненный опыт индивида. В его суждениях отражаются уровень образованности, широта кругозора, ментальные установки, что является немаловажным при реконструкции повседневной жизни.

Таким образом, мы видим, что устная история обладает эвристическим потенциалом в исследовательском плане и способна помочь в достижении задач реконструкции повседневной жизни крестьянства.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). М., 1994. С. 8.
2. Вебер Д. Рассказанная «Память народа», или Что такое метод устной истории. URL: http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/oral-history-method?locale=ru_RU (дата обращения: 29.10.2013).
3. Бердинских В.А. Речи немых. Повседневная жизнь русского крестьянства в XX веке. М.: Ломоносовъ, 2011. С. 4.
4. Стрекалова Е.Н. «Устная история» в контексте новой локальной истории // Устная история. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/17> (дата обращения: 30.10.2013).
5. Лоскутова М.В. Введение // Хрестоматия по устной истории. СПб., 2003.
6. Кабытов П.С., Козлов В.А. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения крестьян. М.: Мысль, 1988. С. 3.
7. Афанасьев Ю.Н. Введение // Судьбы российского крестьянства. М.: РГГУ, 1996. С. 14.
8. Фишпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история советской деревни в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. 421 с.

9. Лопатин Л.Н., Лопатина Н.Л. Коллективизация и раскулачивание в воспоминаниях очевидцев. М., 2006. С. 5.
10. Трубина Е.Г. Коллективная память // Социальная философия: словарь / сост. и ред. В.Е. Кемеров, Т.Х. Керимов. 2-изд., испр. и доп. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. С. 328.
11. Мокроусова Е.А. Историческое основание коллективной памяти: коллективная память в проекции устной истории // Социология, политология, философия и история: современные тенденции развития: материалы международной заочной научно-практической конференции (17 октября 2012 г.). Новосибирск: Сибирская ассоциация консультантов, 2012. С. 73–81.
12. Кознова И.Е. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М.: ИФ РАН, 2000. 207 с.
13. Мусиездов А.А. Социологическая проблематика в исследованиях устной истории // Socioпростір: междисциплинарный сборник научных работ по социологии и социальной работе. Харьков, 2010. С. 89–95.
14. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Дж. Скотт, Т. Шанин, О. Фадеева [и др.]; под ред. Т. Шанина, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2002.
15. Качественные методы. Полевые социологические исследования / И. Штейнберг, Т. Шанин, Е. Ковалев [и др.]; под ред. И. Штейнберга. СПб.: Алетея, 2009. 352 с.

References

1. Lotman Yu.M. Conversations about Russian culture. Life and traditions of Russian nobility (XVIII – beginning of XIX century). М., 1994. P. 8.
2. Weber D. Told «Memory of the people» or what is the method of oral history. URL: http://www.pametnaroda.cz/page/index/title/oral-history-method?locale=ru_RU (date of reference: 29.10.2013).
3. Berdinskih V.A. Dumb speech. Everyday life of Russian peasantry in the XX century. М.: Lomonosov, 2011. P. 4.
4. Strekalova E.N. «Oral History» in the context of new local history// Oral History. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/17> (date of reference: 30.10.2013).
5. Loskutova M.V. Introduction // Reader on oral history. St. Petersburg, 2003.
6. Kabytov P.S., Kozlov V.A. Russian peasantry: stages of spiritual emancipation of the serfs. М.: Thought, 1988. P. 3.
7. Afanasyev Yu. N. Introduction // Fate of Russian peasantry. М.: State Humanitarian University, 1996. P. 14.
8. Fitzpatrick Sh. Stalin's peasants. Social history of Soviet countryside in the 30-ies: the village. М.: ROSSPEN, 2001. 421 p.
9. Lopatin L.N., Lopatina N.L. Collectivization and dekulakization in memoirs of eyewitnesses. М., 2006. P. 5.
10. Trubina E.G. Collective memory // Social Philosophy: Dictionary/ Compiler and editor V.E. Kemerov, T.Kh. Kerimov. 2 ed., revised and enlarged. М.: Academic Project; Yekaterinburg: Business Book, 2006. P. 328.
11. Mokrousova E.A. Historical foundation of collective memory: collective memory in the projection of oral history // Sociology, political science, philosophy and history: modern trends of development: proceedings of international correspondence scientific and practical conference (17 October, 2012). Novosibirsk: Siberian Association of Consultants, 2012. P. 73–81.
12. Koznova I.E. Twentieth century in the social memory of Russian peasantry. М.: Institute of Philosophy of RAS, 2000. 207 p.
13. Musiezov A.A. Sociological problems in the studies of oral history // Socioprostir: interdisciplinary collection of scientific works on sociology and social work. Kharkov, 2010. P. 89–95.
14. Reflexive peasant studies: decade of research of rural Russia / J. Scott, T. Shanin, O. Fadeeva [et al.]; ed. by T. Shanin, V. Danilova. М.: ROSSPEN, 2002.
15. Qualitative methods. Field sociological researches / I. Steinberg, T. Shanin, E. Kovalev [et al.]; ed. by I. Steinberg. St. Petersburg: Aletheia, 2009. 352 p.

O.R. Khasyanov*

**METHODS OF ORAL HISTORY IN THE STUDY OF EVERYDAY LIFE
OF SOVIET PEASANTRY**

In the article the possibility of using of method of «oral history» in the study of everyday life of Soviet peasantry is analyzed. After analyzing the research carried out on the basis of this method, the author comes to the conclusion that «oral history» is an important method in the reconstruction of daily life of peasantry.

Key words: peasantry, collective memory, oral history, reconstruction, method, biography.

* *Khasyanov Oleg Renatovich* (oleg-has@yandex.ru), the Dept. of Russian History, Samara State University, Samara, 443011, Russian Federation; the Dept. of Philosophy, Sociology and Economic Theory, Ulyanovsk State Agricultural Academy, Ulyanovsk, 432017, Russian Federation.